

ЮРИЙ ШВАРЁВ

Мы жили без господ

Юрий Шварёв

Мы жили без господ

«Издательские решения»

Шварёв Ю.

Мы жили без господ / Ю. Шварёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833508-2

В эфире и в печати возникают споры между обвинителями и защитниками прошлого России. Юрий Шварёв участвует в этих спорах на стороне защиты. Читателю предлагаются в сокращённом виде две его книги и созвучные им по духу стихи.

ISBN 978-5-44-833508-2

© Шварёв Ю.
© Издательские решения

Содержание

Книга-летопись	6
От автора	7
Село Рябово Архангельской области Сольвычегодского района.	8
4 года из 57	26
Из предисловия	26
Из писем. 1949—1952 годы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мы жили без господ

Юрий Шварёв

© Юрий Шварёв, 2017

ISBN 978-5-4483-3508-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга-летопись

Автор «Дневников безбожника» известен многим читателям по его изданным раньше книгам и по статьям в местных и общероссийских газетах. Он член Союза писателей «Воинское содружество».

Ю. И. Шварёв принадлежит к поколению, люди которого рано познали цену труда и воспитали в себе чувство ответственности не только за свое поведение, а и за судьбы Родины. Для них характерны самостоятельность в поступках, независимость суждений, склонность к размышлениям. Эти черты проявились и в публикуемых дневниках.

По зову души молодой рабочий, потом кадровый офицер, как Нестор-летописец, периодически высвечивал свою жизнь, жизнь окружавших его людей, жизнь государства. Он анализировал свои дела и устремления, соизмеряя их с нормами морали и подчиняя собственное индивидуальное бытие общественному ритму всей страны. Его записи сугубо личные, но они воспринимаются как гимн эпохе социализма. Да, наш социализм был искажен, недостроен. Но и при таком социализме во главе всего стоял человек труда, творец, создатель, а «теневые» хапуги, финансовые мошенники, спекулянты, взяточники презирались обществом и преследовались по законам. Записи личные, но это оригинальный исторический источник, показывающий прошлое во всем его разнообразии, во всей разносторонности, со всеми его «минусами» и «плюсами».

На фундаменте ПАМЯТИ получилось своего рода духовное завещание людей старшего поколения молодым поколениям. В суждениях умудренного жизненным опытом свидетеля прошлых лет найдут нравственную опору многие из тех, кто только что вступает в самостоятельную жизнь. Это важно потому, что нынешние средства массовой информации принижают достоинство молодых людей, отвлекают их от раздумий о своем будущем, приучают незрелые умы «брать от жизни все», не помышляя о внутренних и внешних угрозах Отечеству.

Автор дневников дает нам правдивые и порой по-писательски живые и образные картины о жизни трудового народа в Советском Союзе и в послесоветской России. Каждый думающий читатель скажет спасибо Юрию Ивановичу за его многолетний летописный труд.

Председатель правления Союза писателей «Воинское содружество»

А. М. Аббасов, академик краеведения

Нужно стремиться к тому, чтобы каждый видел и знал больше, чем видели и знали его отец и дед.

А. П. Чехов

От автора

Институтом этнологии и антропологии Российской Академии Наук в 1997 году издана книга «На разломе жизни». В ней воспроизведены дневники Ивана Григорьевича Глотова, крестьянина из деревни Пежмы Архангельской области Вельского района. На 320 страницах до мелочей точно отражена жизнь простого русского мужика в 1915—1925 годах.

Видно, что умный от природы, работающий и рассудительный крестьянин-средняк жил и напряженно трудился от зари до зари только для того, чтобы кормить семью и держать тепло в своей избе. Интересы и заботы – земельный надел и собственный двор. Общие знания – от стариков, начальной школы и личного опыта. Кругозор – в границах своей волости. Отдых – бани по субботам, чаепития и сон. Развлечения – посещения церкви и застолья в праздники.

Прочитал книгу «На разломе жизни» и решил подготовить к публикации свои дневники. Начал вести их 18-летним парнем, завершил 74-летним стариком. Правда, записи по разным причинам делались не постоянно, а с малыми и большими перерывами.

Ясно, что знания, мышление, поведение менялись у меня в соответствии с возрастом, житейской обстановкой и социальным положением. Поэтому менялись и качество, и содержание записей. Крестьянин Гловтов вел дневники на «разломе жизни», вызванном Великой Октябрьской социалистической революцией. Мне довелось жить пусть не при столь же исторически значимых, но тоже много изменивших в стране «разломах». Их было два. Первый после 1956 года – хрущевский, устроенный по недоумию верховных властей. Второй после 1985 года – горбачевско-ельцинско-путинский, контрреволюционный, устроенный верховными властями сознательно по предательскому сговору с силами международного капитала.

Дневники – не мемуары, в которых память или желания угодить «духу времени» иногда подводят авторов. Записи в дневниках – это как милицейские протоколы о событиях, как фотографии увиденного, как звукозаписи услышанного. Читаю свои тетради, многое видится теперь не так, как виделось раньше, но что записано, то записано. Смысла записей менять не буду, позволю себе только стилистические поправки. Для сокращения объема книги не буду воспроизводить всех текстов. Оставлю только то, что и сегодня кажется мне памятным, наиболее характерным для тех или других прожитых лет.

Мои суждения, оценки, выводы в дневниках, конечно же, субъективны. Писал чаще о том, что мне не нравилось. Хорошее в жизни воспринималось как должное, закономерное и сомнений-размышлений не вызывало. Теперь, оглядываясь на советское прошлое, вижу, что многое из привычно хорошего, обыденного, всем доступного постепенно исчезает или приобретает немислимо дорогие цены...

И. Г. Гловтов – мне земляк ближе некуда. Его Пежма в 15 километрах от моей Синегги. По возрасту я ему если не сын, то внук. И родословные наши одинаковые: все мои деды и прадеды, бабушки и прабабушки были крестьянами таких же северных деревень, как Пежма. Дневники земляка еще раз подтвердили, что моему поколению жилось уже полегче, интереснее, достойнее, чем поколениям наших отцов и дедов. Мы увидели и узнали больше, чем видели и знали они. До буржуазно-демократического «разлома» в Советском Союзе наше будущее представлялось нам светлым, созидательным, мирным, спокойным. В обществе товарищей были руководители, но не было господ!

Это горько признавать, но мое поколение оказалось неспособным закрепить достижения и победы своих отцов и дедов. Поэтому сейчас трудовому народу живется хуже, тяжелее, духовно безрадостнее, чем жилось нам. Значит, нашим детям и внукам пришла пора задуматься, как им лучше устроить жизнь своих поколений. К великому сожалению, задумываются об этом пока немногие молодые люди. Чуждая русскому духу телевизионная пропаганда успела превратить большинство населения страны в обывателей, живущих одним днем.

Село Рябово Архангельской области Сольвычегодского района. Рябовский маслозавод. 1948—1949 годы

16 мая 1948 г.

Отвез в Котлас масло, вес в ящиках оказался нестандартным. На базе не хватило масла 8 кг. Это дело хреновое! Надо выверять весы.

Купил ботинки с брезентовыми бортами и зеленой хлопчатобумажной ткани на штаны. Нюра пообещала сшить.

Предложил Але погулять, она ответила: «Еще уведешь куда-нибудь, как Шуру». Опять Шура! Прав Грибоедов, что злые языки страшнее пистолета. Пустили сплетню, а ничего не было. Я был сильно пьян.

21 мая 1948 г.

Толька Выгузов сделал букет из цветков и подал его Але. Она стала нюхать и обожгла нос. В середине была крапива.

Существует одно развлечение – «колхозное», на котором толкут под гармошку землю под березами у нашего завода. После танцев и плясок с частушками расходятся парами. А кто не успел еще «спариться», идет домой спать.

Нам с Мишкой не до «колхозных». Встаешь в 5, принимаешь молоко, сепарируешь, сбиваешь масло, весь день крутишься, а тут вечерняя приемка, снова сепарирование. И так до 12 ночи.

Ездил в Сольвычегодок, был из интереса на суде. Судили двоих за кражу сумки с вещами и денег в пароходе у пассажира. Одного осудили на 8 лет, другого на 6. Когда их уводили, тот, что на 8 лет, со смехом сказал: «Вот, теперь восемь лет могу жить спокойно. Ха-ха! Никто меня больше не тронет». Это не фунт изюма. А он, идиот, смеется.

9 июля 1948 г.

Алька оказалась шкурой. Звонит по сельсовету, что я «втрескался» в нее, смеется надо мной. А были в таких отношениях!.. Забыла, что мне позволяла вечерами в конторе?.. Кто в кого втрескался? Это она, стерва, от злости на меня и Катю.

Вчерашний вечер опять провел с Катей. Говорит, что ни с кем еще не дружила, до меня ни с кем не целовалась. Она на год моложе меня. Красива, не глупа, нравится мне со всех сторон. Приятно быть с ней.

Показала альбом с фотокарточками, на корке которого написано: «Тетрадь по детским болезням». Она учится в медицинском техникуме в Устюге.

7 августа 1948 г.

Сегодня наш сельсоветский милиционер оштрафовал меня на 50 руб. за то, что 10 месяцев жил без прописки. Кроме того, получил от него предупреждение за несоблюдение противопожарных правил на заводе. Раньше Коровинский казался мне добрым мужиком. Как-то даже дал нам с Мишкой пострелять из своего нагана по кастрюле на пне. Как бы в шутку просил за расход патронов маслица к чаю. Ничего мы ему не дали. Раз дашь – потом не отвяжешься.

У нас с Мишкой договоренность: никому ничего не давать уносить с завода и самим брать к чаю с хозяевами не больше 30—40 грамм масла. Одну выпускницу нашей школы ФЗУ посадили на 6 лет за 2 кг. унесенного с завода масла. Масло к чаю берем обычно в «банные» дни раз в неделю. Иван Никитич и Осиповна довольны.

18 августа 1948 г.

Катя уехала в Устюг, их техникум на сельхозработках.

Ширияев сильно пьет, постоянно пьяный. Мишка прячет от него амиловый спирт, говорит, что весь кончился.

Катя приезжала на 2 дня домой. Я к ним заходил, она от встречи вечером отказалась. Видно, ей сказали, что я опять встречался с Клавой. Ладно, переживем! Клава проще, с ней вечера веселее.

Однажды остались с ней в заводе одни. Вдруг увидели в окно Ширияева. Клава не хотела, чтобы он увидел ее, спряталась в леднике. Ширияев болтает, никак не уходит, она дрожала там с полчаса. Вышла с посиневшим лицом и ледяными руками. Долго потом хохотали.

По заданию заочной школы надо писать сочинение на тему «Лес осенью». План такой: 1. Лес в тихий осенний день. 2. Лес в осеннюю ночь. 3. Лес в ненастную погоду. Тема знакомая, но как лучше обо всем этом написать?

16 сентября 1948 г.

Скоро год, как мы с Мишкой здесь живем. 4 октября прошлого года сошли с парохода на пристань. Дождь, грязь... Начали работать, я помощником мастера, он помощником лаборанта. Фактически – рабочими.

1948 год. Рябово

Пили дрова, таскай воду, крути сепаратор и сбойку, мой фляги и все другое. Мастер, лаборантка, казеиновар – все бабы, помыкали нами, как хотели.

В ноябре я выпросился у Ширияева съездить домой и хотел удрать совсем. Взял в сельпо справку ф.№7 о снятии с карточного учета, вещи собрал в две посылки, чтобы Мишка выслал, если не вернусь. Отца боялся, что не разрешит удрать. Так и вышло. Он мне растолковал, чтобы я не думал о самовольном уходе с работы, пока положенные два года после ФЗУ не отработаю.

Не дал мне сойти с рельсов. Он прав, спасибо ему. А вскоре карточки отменили. Хлеб и треску бери, сколько хочешь. Спать полуголодными уже не ложились.

Зиму прожили, стало лучше. Миша заменил лаборантку, а я с 1-го апреля стал мастером вместо Авдохиной, переведенной на другой завод. Стали мы хозяевами на заводе. Освоились, появились у нас дружки и подружки. Я взял к себе Игоря, который перешел в 5-й класс, а в Синеге семилетки нет.

3 октября 1948 г.

Всех полученных из Архангельска заданий по программе 9-го класса сам сделать не мог. Обратился за помощью к учительнице Игоря, Зое Михайловне. Она помогла. Стал заходить к ней на квартиру. Между нами образовались товарищеские, даже дружеские отношения.

26 октября 1948 г.

И вчера, и позавчера был у Зои. Давно ли, кажется, я был уверен, что у нас с Катей любовь... Нет, это, наверно, была не любовь. А с Зоей? Тоже наверно нет, хоть и целуемся.

Когда сидели обнявшись, сказал, что каждый вечер хочется идти к ней и что днем постоянно думаю о ней. И она сказала, что каждый вечер ждет, приду или не приду. Любовь ли у нас? Если скажу Зое, что люблю, как говорил Кате, то это будет обман. Посмотрим на нашу дружбу дальше. А пока не будем убегать от теплых встреч. Мне кажется, что и ей наши встречи и в самом деле тоже приятны.

Зоя рассказала, как за ней с прошлого года ударяет Павел Иванович, директор школы и секретарь парторганизации при сельсовете. Уговаривает выйти за него замуж, а она на все его уговоры отвечает отказами. Говорит, что пока не закончит пединститут, связывать себя замужеством не собирается. Ему 27 лет, служил на флоте, человек уважаемый, умный, но когда напивается, наедине пристаёт к Зое, лезет целоваться. Не раз пьяным ставал перед ней на колени и даже плакал, как баба. Бывший моряк, директор! Зоя говорит, что он ей противен, а сказать ему об этом неудобно. Просто избегает уединений, приходит к ней домой не разрешает и от приглашений зайти в гости к его родным отказывается.

3 ноября 1948 г.

Позавчера зашел разговор с Зоей о замужестве и женитьбе. Она рассказала, как настойчиво делал ей предложения один сольвычегодец и как она отказала ему, хоть ее родителям он нравится и они были не прочь иметь такого зятя. Сказала, что считает большой глупостью выходить замуж за человека, которого не любишь.

Мы ходили по берегу Вычегды. Земля покрылась снегом, подморозило. Обнял Зою, поцеловал, спросил: «Не сердись за глупый вопрос. Что бы ты ответила, если бы я предложил выйти за меня замуж?»

Она помолчала, потом улыбнулась и потрогала пальцем мой нос:

– Я бы посоветовала тебе подождать двадцатилетнего возраста да еще в армии отслужить, а потом задумываться об этом.

И верно, какой я ей жених?

Вчера к нам неожиданно явился ревизор треста «Архмаслопром». Я струхнул. В последние дни не вел учета. В балансе по жиру могла из-за анализов оказаться недостача, не лучше, если бы получились и излишки. Но и в кассе у Васи, и в заводе по снятию остатков, и документам все сошлось почти что из тютельки в тютельку... Молодец Миша, анализы делал точно. Ревизор был доволен и даже удивлен: «Мне в акт писать нечего. Халаты грязноваты, запах от сбойки кисловат, но это не по моей части... Можно у вас и отдохнуть с легкой душой».

Сидели у Ширяевых. К водке хлеб, капуста квашеная, суп, горячий самовар. Ревизор, Иван Германович, оказался весьма общительным мужиком. Весело провели вечер. Он уехал, а мы и сегодня еще не совсем в ажуре, хоть вроде и проспались хорошо.

9 ноября 1948 г.

Праздник прошел. Учитывая прошлые случаи, я сильно не напивался и все время чувствовал себя прекрасно. 6-го водки с Мишей не нюхнули. Пошли на вечер в школу, где учителя показали две сценки по Чехову, хор учеников спел песни, гимнасты сделали пирамиды. Концерт вела Зоя, «конферансье» хоть куда! После концерта сдвинули скамейки, устроили «колхозное». Тут Зоя, очень взволнованная, велела мне идти к баням и убежала одеваться. Я к баням не пошел, ждал возле школы. Она выбежала, схватила меня за руку: «Пойдем скорее!.. Нализался, опять привяжется». Я спросил: «И при мне?» – «И при тебе. Ты его пьяного не видал...».

Рассказала, что Павел Иванович днем, еще трезвый, просился проводить ее после концерта, а она сказала, что провожатый и без него есть. Сейчас опять при всех пристал и Альки не стесняется. Зоя попросила Анну Павловну отвлечь, задержать его.

Мы ушли и продолжили праздничный вечер у Зои в комнате.

7-го днем посидели часа два у нас с Иваном Никитичем, Ширяевым и Васей. Выпили, побалаякали. Часа в 4 Вася и Миша пошли на «складчину» к Васиной подруге, а я к Зое. Пришли хозяева из гостей, они были навеселе и скоро улеглись спать. А мы еще долго сидели, я помог Зое доделать стенгазету для колхоза. Обещала вывесить к празднику, не успела, хочет вывесить с утра после праздника.

8-го собрались у Нади Моисеевой на Нижнем Устье. Было нас 5 пар. Выпивали, но не чересчур. Пели, шутили, плясали. Я пиликал на гармошке. Зоя пела частушки, довольно забавные. Миша с Надей здорово чудили, смешили всех. Мы с Зоей удалялись на кухню вроде бы за добавкой капусты и там целовались. В общем, вечер прошел лучше не надо. Потом проводил Зою домой.

За эти праздники я почувствовал... Не знаю, что я почувствовал, но меня тянет к ней сильнее, чем тянуло к Клаве и Кате. Она такая простая, с открытой душой, нисколько не гордая. С ней можно прямо говорить обо всем, но только правду. Что-то хочешь утаить, замнешься, смотрит в глаза, сразу подловит. И сама она не любит врать и что-то скрывать. Другая бы ни за что не рассказывала всего, что она мне рассказывает. По-моему, Зоя меня любит. Да и я... Ладно, не будем рассуждать! Пойду к ней, уже половина восьмого.

10 ноября 1948 г.

Сегодня не пошел к Зое. Надо дать ей отдых, а то не спим каждую ночь до часу-двух. Я-то могу выспаться днем, работы сейчас мало, а у нее каждый день 5—6 уроков и вечером тетради проверять.

Вчера зашли к Альке. Пришли, а у нее Павел Иванович. Сошлись две пары. Бывших и новых. Сидели, дурачились, пока не вернулись из гостей родители Альки. Ушли вместе с П. И. У своего дома он пожал нам руки, а мы еще бродили над Вычегдой, говорили про него. Человек любит Зою, подчас унижался пьяный. Летом переустроил мезонин в доме, чтобы после женитьбы жить там...

Домой пришел в первом часу. Открыл двери Иван Никитич и вроде бы в шутку пробурчал: «Я на тебя хворостину припасу. Повадился каждый вечер до полуночи». Шутка шуткой, но вставать ему из-за меня удовольствия мало. Завтра сделаю устройство с веревочкой к задвижке в сенях, буду потихоньку отпираться сам.

14 ноября 1948 г.

Пришел сейчас от Зои.

Вчера прислала с Игорем записку, что ждет меня в 7 часов. Была на сессии в сельсовете, навязывался провожать П.И., чтобы отвязаться, сказала, что ей надо зайти к Юле. Поэтому ждала меня не дома, а на улице. Ходили по берегу.

Зоя увидела, что я хватаюсь за уши, сказала, что можно посидеть в школе. Только засомневалась, понравится ли это Анне Павловне, к которой приходит иногда Федя Кот из к-за Калинина. Решили все-таки идти. Техничка пустила нас без упреков, сказала, как закрыть двери, когда будем уходить. Сидели в 5-м классе, где учится мой братец. Договорились больше не ссориться, но я подзабылся, не сдержался, она рассердилась: «Опять за свое!.. Паша при встречах вел себя лучше, чем ты. Даже и пьяный рукам воли не давал».

– Что, скажешь, и не целовалась с ним? – спросил я.

– В губы – нет. Не давалась, отворачивалась. Целовал в щеку, шею, руки целовал, волосы.

А от пьяного я сразу убегала.

Поговорили о нем, опять помирились. Проводил Зою домой.

Пишу в конторе. Старик с Горки нарезал сейчас стекло для рамы и учил меня политике: «Трумэн – волк! Он еще покажет себя со своей атомной бомбой!» Вместо стекла на раме с лета была фанера.

16 ноября 1948 г.

Вчера спросил Зою: «Ничего, что я пришел прямо с завода в фуфайке?» /до этого ходил в своем коротковатом пальто/. Она поцеловала меня: «Для меня хоть в чем приди, все равно рада».

1948 год. Рябово

Еще не писал подробно о Зое. Попытаюсь это сделать.

Она родилась в 1928 году. Ее отец, офицер царской еще армии, директор детдома в Сольвычегодске. Брат Петр холостой, живет с родителями, работает шофером. Брат Михаил с семьей живет в Устюге, а семья сестры Галины в Архангельске. Два брата Зои погибли на фронте.

Зоя рослая, стройная, быстрая в движениях. У нее чистое и милое лицо с большими серыми глазами, румяными щечками и мягкими алыми губами. Мне особенно нравятся ее глаза. Они бывают и серьезными, внимательными, бывают и веселыми, задорными. У нее крепкие /и ласковые/ руки, упругое тело, гибкая талия. Волосы русые, с кудряшками.

Зоя умна, развита во всех отношениях. Знания ее намного шире моих /учительский институт – не наше ФЗУ/. Говорит она быстро и выразительно. Общительна и с молодыми, и старыми. Одевается просто, но хорошо, все на ней сидит ладно, красиво. У нее добродушный, хоть немного и вспыльчивый характер. Поссорившись с ней, можно легко подружиться снова. Она не обидчивая, с Катей не сравнишь.

19 ноября 1948 г.

Сегодня в 5 часов пришли с Мишей в читалку, где, как вчера уговорились, нас ждала Зоя. Нади не было, она кончала молотьбу, пришла позже. Клава завела патефон. Зоя учила Мишу танцевать, под музыку таскала парня с его большими валенками. Пришла Надя, стали играть в карты, в дурачка и в откровенность. Дурачились до 8, потом пошли к Наде. Попили чаю, мы с Зоей ушли, Миша остался.

Пришел домой пораньше, займусь учебниками. У Зои много тетрадей на проверку, не стал ей мешать. Мне с Игорем надо бы позаниматься, но он уже на полатях. То ли уснул, то ли притворяется.

21 ноября 1948 г.

Вчера получился такой разговор с Зоей:

– Зоя, вот мы привыкли друг к другу, а ведь придется расставаться. Возьмут меня в армию, и наша дружба кончится.

– До армии еще долго. Чего вперед загадывать?

– Долго, а потом еще три года служить... Конечно, это ерунда, но я иногда представляю себе, как бы мы с тобой стали жить, если бы поженились сейчас. Мне кажется, были бы оба счастливыми. Ты как думаешь?

– У нас бы ничего не получилось. Я такая дурная, ревнивая... Об этом еще рано думать. А вообще, уйдешь в армию, не представляю, как я буду без тебя жить... Что бывало со мной раньше школьницей, потом студенткой, то все была не любовь, просто симпатия друг к другу. Никого я так не любила, как тебя! Чувствую, что не смогу без тебя жить. Уже и сейчас ревную тебя...

– К Кате ревнуешь?

– Да. Такая уж я шальная.

– Я тебя тоже ревную. К Павлу Ивановичу. Ведь было же у вас что-то, раз появились сплетни. Может быть, и сейчас что-то есть?

– Ой, лучше не говори о нем! Начинала работать после института, уважала его, вниманием была даже довольна, ухажерство принимала. А потом он стал мне противен, надоели бесконечные уговоры. Вообразил, что пойду за него. При людях начал меня обнимать, о свадьбе заговаривал... Противный, а скандалить не хочу. Директор же да и человек неплохой, если бы не напивался.

Потом она заговорила о моем поведении при встречах: «Мне кажется, что ты меня не любишь так, как я тебя. Ведешь себя так, как будто тебе одно от меня надо. А разве в этом любовь?» Я согласился, что настоящая любовь не «в этом», пообещал держаться.

О женитьбе больше не говорили. Какой я жених? 18 лет, по лицу мальчишка, все имущество в одном чемодане. Ха-ха! Хорош был бы муж Зое Михайловне! Нелепость. Постараюсь больше не говорить с Зоей на эту тему.

30 ноября 1948 г.

25-го приехали Юницын и Попов. Было собрание, потом ужинали у Ширяевых. Назавтра решали разные заводские дела. После этого каждый вечер ходил к Зое, а сегодня поссорились с ней, кажется, более основательно, чем раньше.

Вчера приехал на сенопункт парень лет 23-х. Я увидел его у Григория Максимовича. Зашел, они пили чай. Зоя тут же подала мне книгу, будто я за ней пришел, и шепнула: «Завтра приходи».

Сегодня встретился с Зоей, а перед этим мне сказали, что она провожала парня на пристань. Вдобавок вспомнил, что, когда она подавала мне книгу, на столе стояла начатая бутылка с водкой. С этого и начал разговор: «Поддали вчера за чайком?»

– Что, пахнет от меня? – мы только что поцеловались.

– Пахнет /На самом деле никакого запаха не было/.

– Ой, врешь! – она оделась, мы пошли в читалку.

– Нет, чтобы и меня к столу позвать, а ты мне книгу в руки... Долго ему платочком махала, когда пароход отходил?

– Ну и махала, что тут такого?

Начала объяснять, что парень просто знакомый, приезжал по делу, зашел навестить, из вежливости пошла его проводить. Я опять про выпивку и про книгу. Она вспыхнула. Не обязана, мол, давать отчет, с кем чай пила, кого провожала: «Может, запросишь еще письменное объяснение?» После этого разговор пошел еще острее. Всего не пересказать. Назвала меня «трепачом», которому надоело дружить с ней, вот и придираюсь. Расстались на дороге.

Вспоминаю весь разговор, остаюсь в недоумении, любит она меня или нет? Кончилась ли сегодня наша дружба или нет? Ведь не захотела же она, чтобы этот парень узнал о нашей дружбе.

4 декабря 1948 г.

Назавтра после ссоры Игорь принес записку от Зои. Позвала меня в читалку. Повидались. Рассказала подробнее о парне, который приезжал. Его тоже зовут Юрием. Нет, мы с Зоей так просто расстаться уже не можем. Мы любим друг друга, этого достаточно, чтобы и после ссоры снова дружить. Все наладилось.

Вышила и подарила мне платок. Сказала, что по приметам платки дарятся перед разлукой. Смешно! Да разве может сейчас получиться разлука, подари она мне хоть 50 платков!

Видимся почти каждый день. Сегодня вечером концерт, участвует и Зоя. Посмотрю на нее как на артистку. Концерт будет платный, билет с печатью 3 руб. Так в сельсовете решили подзаработать на ремонт школьной крыши, чтобы весной опять не текла.

7 декабря 1948 г.

4-го вечером после концерта чуть не оправдалась примета о платке. Не буду описывать подробностей, это и так навсегда запомнится. Не буду фиксировать на бумаге подлость своего поведения. Обидел, оскорбил Зою ужасно. Запишу только, что 4-го мы чуть окончательно не разошлись и что оба за эти дни настрадались. Но любовь наша сильнее всего! Мы снова друзья! Но настоящая дружба у нас будет только теперь, с 7-го декабря.

В примирительном разговоре Зоя сказала: «Ты хороший, настоящий друг, только в руках себя держать не можешь. Это мне обидно. Но я вижу, как ты любишь меня. И я тебя, хоть такой, все равно люблю».

21 декабря 1948 г.

Я думал, что с 7-го началась наша настоящая дружба с Зоей. Кажется, эта «настоящая» дружба кончилась. Похоже, что ей надоело со мной дружить.

Позавчера в читалке погорячились, а когда ушли, поссорились. Она не разрешила мне ее провожать и сказала, что до нового года вообще не будем встречаться. Так и разошлись. Пришел домой, уснуть не мог, написал ей письмо. Игорь принес ответ. Зоя винит в разрыве меня. Не исправляюсь, пристаю... Не поймет, что если бы не любил так, не приставал бы с разговорами о женитьбе.

Надо же мне так втрескаться! Жизни без нее не вижу!

Сегодня отправил Зое письмо. Чтобы не писала мне больше, не тешила обещаниями стать женой в будущем. Хорошая! В будущем да, а пока не забывай, что ты по сравнению с ней сосунок-допризывник.

Не любит она меня! Надоело. Что ж, смиримся. Авось, все это, что сейчас со мной творится, со временем пройдет. Только зачем я так рано и неодолимо влюбился? Дружба с Зоей изменила меня. Только в лучшую или худшую сторону? Не рано я начал считать себя взрослым?

22 декабря 1948 г.

Оба мы дурные! Вчера Игорь принес записку от Зои. Написала, что я ее не так понял. А перед вечером пришла к нам вместе с Надей. Посидели у нас. Потом Миша ушел с Надей, а мы к Зое домой. Она сказала: «Ну, что молчишь?»

– А что говорить? Ты все сказала и написала. Я тоже.

– Перестань ты! Мало ли что от обиды можно сгоряча наговорить.

В общем, объяснились, помирились. Решили идти в школу. Там в учительской оказались Павел Ив. и Алька. Мы прошли в 5-й класс. Долго сидели, обнимались-миловались, загадывали планы на наше будущее. Вдруг Зоя сказала: «И в самом деле, зачем лета ждать? Давай, после Нового года поженимся». Меня прямо встряхнуло. Раньше привязывался с этим постоянно, она все откладывала на летние каникулы. Теперь сказала сама!

1948 год. Село Рябово

Не написать словами, что было с нами дальше. Договорились, что поедем по домам, поговорим с родителями, а в январе запишемся. На том и разошлись, веселые и счастливые.

А мне, дураку, показалось, что она разлюбила меня. Думал, от скуки пришла поразвлекаться к нам с Надей. Зоя ты моя, Зоя!

Ширяев променял в колхоз работающую и смирную Куклу на молодого Воронка. Впридачу получил седло. Верховом на Воронке хорошо, а к упряжке он не приучен. Не иначе, про-

пил Ширяев Куклу, хоть и говорит, что она старая, на выбраковку пора. В «Красном Пахаре» не дураки, чтобы за брак отдать молодого коня.

25 декабря 1948 г.

Все думаю о женитьбе. Думаю, что будем жить с Зоей хорошо и счастливо. Что из того, что надо еще служить в армии? Конечно, тут задумаешься. Все же три года. А пусть и три! Все равно мы будем верны друг другу. Ради всей жизни можно побыть в разлуке, зато потом опять жить и жить вместе.

Ехать в отпуск, а с меня высчитали 263 руб. за осенний брак. Зарплаты за декабрь не хватит покрыть долг кассе. Сел я в калошу! И в общем с Мишей конверте денег с гулькин нос.

Морозим тараканов. Перешли дней на 5 пожить к Ширяевым, но мы с Игорем уедем раньше.

14 января 1949 г.

Вчера встреча с Зоей кончилась ссорой. Рассказала про Ивана Ивановича подробнее. Говорила о нем и раньше, но я не думал, что ее родные так сильно хотят иметь его своим зятем. И у Зои отговорки: ей надо заканчивать пединститут, мне идти в армию, сойдемся после армии. Послушал ее, втемяшил себе в голову, что супругами нам не бывать, что мы в конце концов расстанемся. Черт! Даже страшно думать об этом.

16 января 1949 г.

Позавчера сидели в школе. Зоя уверяла, что мысли не допускает о расставании, но уговаривала меня с женитьбой подождать, так как она пообещала родным не выходить за меня, пока не отслужу в армии. Сказала, что с Иваном Ивановичем у нее хорошие отношения, но его ухаживания и признания в любви отвергала, от свиданий отказывалась, а родным прямо заявила, что любит только меня, чтобы с разговорами об Иване к ней не привязывались.

Рассказывает, а я расписывался, вспомнил ей еще и дружбу с Павлом Ивановичем. Таким взбешенным проводил ее из школы домой. О поцелуях уже и речи не было. В общем, довел ее до слез. И у самого все кипело. Вчера к ней не пошел...

Сегодня по ее записке встретились в читалке, потом пошли к ней. Она сказала: «Доживем до лета и распишемся. Ведь мне тоже не выдержать без тебя, с ума сойду». Что-то не верится. До лета, а в каникулы уедет в Сольвычегодск, сессия в институте и... «прощай, милый Юрик»?

Вижу, что она меня любит. Знает, что и я ее люблю. Что же мешает? Разница в годах и армия – нам не помеха. Не в том ли дело, что у меня ФЗУ, у нее институт, у меня 300 с небольшим в месяц, у нее 700, у нее красивые платья, у меня застиранные рубашки. Много у нас неодинакового. Может быть, мы и не думаем, что дело в этом, а оно тут и есть? Конечно, для советской молодежи все это должно быть – нули, но вполне ли мы оба советские?

25 января 1949 г.

С утра до темноты поднимаем с речки лед, начали заполнять льдохранилище. В последние дни к Зое не ходил, чтобы не раздражать ее разговорами о женитьбе. Да и самому психовать-терзаться рядом с ней немного радости.

Моей зарплаты за декабрь не хватило покрыть долг кассе, а теперь еще поставили в подотчет за сахар сотню, да за муку 30. За январь получу не больше 250. Хорошо, что папа дома дал нам с Игорем 500 руб. Выкрутимся.

2 февраля 1949 г.

Зоя звала на лекцию в читалке, но у нас было собрание. Только что кончилось, а времени половина 11-го.

Сегодня собрание шло не так, как предыдущие. Началось с моего выступления после доклада Ширяева. Мои слова пришлось не по душе и Николаю Ильичу, и Васе. Потом выступили Миша, Шура, сам Ширяев, потом Мисихина, потом еще раз я. Расшумелись, как в трактире. Вася вспылил: «Буду заниматься только бумагами! И на телефон не пойду и в сельсовете никаких вопросов решать не буду!» Его упрекали, что изображает из себя «второго директора». Мне тоже досталось: брак был, на фермах при дойках не бываю, поэтому молоко из колхозов грязное везут.

Выписали с Мишей «Комсомольскую правду». Читаем сами и Фаина, иногда и Нюра. Что бывает интересное, рассказываем Ивану Никитичу и Осиповне. Много в газете для нас нового и поучительного.

Миша начинает всерьез дружить с Юлией Павловной, подругой Зои. Она с 1927 г.р., веселая девушка и простая. Интересно, как пойдут у них дела. Хоть бы не так, как у нас с Зоей.

У меня все чаще появляется мысль, что надо набраться духа и кончить встречи с Зоей. Довольно трагедий и комедий! При такой «дружбе», чего доброго, попадешь в вологодский желтый дом.

13 февраля 1949 г.

Поссорились с Зоей очень крепко. Перестал ходить к ней.

После этого приезжал ее отец, Михаил Федорович. Зоя написала записку, позвала на встречу с ним. При знакомстве сначала смутился, но потом ничего, разговорились. Обедали, понемногу выпили с Григорием Максимовичем, пили чай. Мне Зоин отец очень понравился. Спокойный, рассудительный. Он не против нашей дружбы, но сказал, что о женитьбе лучше думать после армии. Правда, оговорился, что это дело наше, пообещал и Ольге Петровне сказать, чтобы «не давила» на Зою. Я спросил про Ивана Ивановича. Он отозвался о нем хорошо и рассмеялся: «Да вот Зое, видно, ты больше приглянулся. Никак не хочет, чтобы Иван зятем нашим стал».

После обеда Михаил Федорович лег отдохнуть, а мы с Зоей пошли в школу, где примирились. Она заверила, что летом запишемся и будем жить вместе. Отцу она по телефону сказала, что поссорилась со мной из-за матери и Петра: «Я прямо по телефону расплакалась, вот он сразу и приехал».

Милая моя Зоинька! Ты и вправду любишь меня крепко-крепко. Почему же все-таки опять до лета? Чего ты боишься?

19 февраля 1949 г.

Зоя заболела. Высокая температура. Вчера часа три стоял на приступке печи, на которой она лежала, как раскаленная. Говорит: «Мне легче, когда ты со мной». Какая она мне родная!

Сегодня ушел к ней в 3 часа. Евдокия Васильевна дает ей пить какой-то настой. Утром был фельдшер, дал еще порошки. Стоял на приступке, обнимал родное горячее тело, менял мокрое полотенце на голове. Зоя сказала, что голова стала меньше болеть.

Получил от папы 150 руб. Маме пришлось продать шерстяной платок. Стыдно! На 19-м году не могу заработать для живота своего. Дубина!

28 февраля 1949 г.

23-го Зою увезли в поселковую больницу за 10 км. Фельдшер заподозрил тиф. Мне Юля прислала записку, я сразу на лыжах побежал в поселок. Потом еще ходил.

Вчера приехала мать Зои, ходила в поселок. Говорит, что Зое стало лучше. Встретился с Ольгой Петровной у Юли. Сидел с ними часа полтора, потом пошел к Зое. Внешне Ольга Петровна отнеслась ко мне вроде бы доброжелательно. Порасспрашивала о моей семье. Врач опять меня поругала, но все-таки пустила в палату. Зое в самом деле стало лучше.

В пятницу, 25-го, были с Мишей и Юлей на свадьбе у Васи. Зоя лежала в больнице, мне было не до веселья, но отказаться не мог, так как Вася включил меня в церемонию при регистрации в сельсовете. Пил только пиво, а Миша упился, с трудом утащил его домой.

9 марта 1949 г.

Зоя выздоровела. Выписали 2-го, но и после этого жаловалась, что побаливает голова. Не выписывали, чтобы выдержать карантин. Втемяшился же в голову фельдшеру тиф! Пока она болела, еще больше почувствовал, что без нее жить не могу. «Скорей бы дожить бы до свадьбы-женитьбы»...

Сделали-таки меня директором завода. Ширяев с семьей уехал из Рябова. О его симпатичной жене прошли нехорошие слухи, он с Нового года добивался увольнения. Подходящей замены ему не находилось. Председатель сельсовета Климов посоветовал Юницуна поставить на его место меня. Я не соглашался /какой директор в 18 лет?/, но Юницын прикрикнул: «Не спорь! Приезжих откуда-то искать не будем. Мастером поставим Пилицына, поможешь ему освоиться. Он пока и за лаборанта поработает и пусть научит делать анализы одну из ваших девчонок».

Перед праздником был два дня в Новикове. Вечера приехал, помылся с Мишкой и Игорем в бане, пошли в школу. Посмотрели постановку. После постановки отправили Игоря домой, а мы с Зоей и Миша с Юлей сидели в учительской. Побалагурили, посмеялись.

Получил повестку военкомата на 24 марта. На приписку. Буду призывником. А Зоя?..

13 марта 1949 г.

Мне почему-то мало реальной кажется наша договоренность о женитьбе. Зоя, по-моему, тоже знает, что в задуманных нами планах мало вероятного. Это видно по ее неприступности, по ее нежеланию стать моей женой до конца учебного года. Похоже на то, что все бесконечные ссоры наши кончатся полным разрывом.

Нажимаем на лед. Промокаем с Мишкой не столько от воды, сколько от пота. Девки наши тоже трудятся на совесть. Еще два-три таких дня, и ледник можно запечатывать. Хорошо бы за лед получить от Юницына по сотенке.

Брат Кати сидит. Дали 7 лет заключения. Он работал в сберкассе и что-то сжулил при денежной реформе. Катя мне об этом не рассказывала, узнал от других.

После чтения газет мне кажется, что будет война. Несмотря на то, что силы мира имеют большой вес, но все-таки правят большинством капиталистических стран люди, которые хотят воевать с нами. Подготовка к войне в этих странах идет полным ходом.

17 марта 1949 г.

Произошло то, что должно было произойти. Но это – не для дневника.

Вчера приехал из Новикова, вечером пошел к Зое. Григория Макс. и Евдокии Вас. дома не было, они уехали в гости к дочери.

Ушел от Зои в пятом часу. О многом наговорились. Она не раз плакала. У меня и у нее свои доводы. Главный спор – о регистрации. Она продолжает свое: будем ждать до лета. Не хочет расстраивать своих родных, особенно мамашу.

Ни о чем другом сегодня не хочу писать.

19 марта 1949 г.

С помощью Юли Миша /он председатель профкома/ выпустил стенную газету «Маслодел». Получилась красивая. Повесили на заводе.

Ходили в колхоз «Борец» и провели там политбеседы. Миша на тему «СССР – союз равноправных народов» /эта тема есть по политучебе/, а я о международном положении по газетам. Слушали хорошо, вопросы задавали.

22 марта 1949 г.

Разговоры и ссоры с Зоей все о том же... Нет у нас с ней согласия. Зря тороплюсь в мужья...

Отправил ей письмо. Согласился, что нам надо кончать встречи. Сколько можно терзаться? Тяжело на душе, но надо пережить, никуда не денешься.

Эх ты, Зоя, Зоя! Скоро каникулы, поедет домой, там наверняка встретится с Иваном Ив. Выбрала момент! Умница! Ничего, переживу.

Вчера приехал управляющий. Мы высказали ему претензию, почему нарядов на сбыт нет. Хранилище полное, масло начнет плесневеть. Он сказал, что получатели отказываются сюда ехать, машины не ходят, а на лошадях не хотят. Ждите, пока пароходы пойдут. Ни хрена себе!

Посмотрел завод, девчата успели навести марафет. В хранилище вскрыли один декабрьский ящик, плесени пока нет. Пообещал через райком надавить на харитоновцев, чтобы взяли наряд.

Проходит XI съезд комсомола. Что же особенного мы сделали в честь съезда? Решительно ничего! Даже на инд. сдатчиков не могли нажать, должников накопили.

26 марта 1949 г.

Был на приписке. Годен к воинской службе. Комиссия проходила в Харитонове. Приехал оттуда на лошади с Галиной, Васиной женой, к полуночи. Назавтра долго спал. Разбудил Миша, сказал, что Зоя и Юлия пойдут на железную дорогу. Проводили их до загонов за рекой. Дальше провожать они нас отговорили, сказали, что одни быстрее до полустанка добегут.

С Зоей помирились. Любит она меня! Все прощает. И все равно говорит, что с регистрацией надо подождать. Вот и гложут меня сомнения...

Когда в Харитонове стоял перед столом военкома, майора Малофеевского, он спросил, почему после 8-го класса не пошел в военное училище. Ответил, что после 7-го поступал в военно-морское подготовительное в Ленинграде, но не прошел по экзаменам, а после 8-го пошел в ФЗУ, чтобы получить специальность и работать, так как у родителей, кроме меня, еще трое детей.

Поездка в Ленинград летом 1945 г. помнится. Сгоревшие вокзалы, печи без стен в деревнях, разбитые вагоны.

Зоя Зоей, а в армии все равно служить. Сейчас пошел бы с удовольствием. Раз любит, будет ждать, пока отслужу. А если что, тут ничего не поделаешь...

29 марта 1949 г.

Прочитал «Алитет уходит в горы» Семушкина. Оказывается, чукчи – это те же дикари, у которых купцы, как в Африке, за безделушки скупали ценности. Никак не думал, что в нашей России в 1923 году еще были такие люди. Такая честность, смелость, сила и в то же время дикость, невежество, суеверия.

Рассчитывал сдатчиков в к-зе им. Калинина. Копейки, а и за них говорят спасибо, что самим в контору не приходиться. В двух домах угостили пивом, как откажешься?

1 апреля 1949 г.

С директорством и зимой времени не хватает. Мише приходится помогать. Все-таки учился он не на мастера, а на лаборанта. Не дается ему забивка масла, чтобы не было в ящике пустот для плесени.

Дел разных много. При передаче завода от Ширияева комиссия признала подготовку на оценку «плохо». Теперь кое-что сделали. Печь под котлом подправили. Стены побелили. В Харитонове закупил полсотни ящиков, а в Ньюбском леспромхозе 30 бочек. Миша взялся за работу ретиво. Сознаться, у меня в заводе было больше беспорядков. Лаборантом учит работать Мисихину, она девушка сообразительная и аккуратная.

Написали соглашение с Толькой Выгузовым, чтобы он нарубил за рекой 25 кубометров дров. Надо успеть вывезти их, пока лед стоит.

9 апреля 1949 г.

С Зоей не виделись два дня. Вечером увидимся.

6-го Зоя и Юля ходили в магазин на запани, на обратном пути зашли к нам. Потом все четверо пошли на Устье. По деревне шли парами под ручку. Назавтра Осиповна рассказала, как старушки бурчали на наших учительниц: «Бесстыдницы! Прямо днем чуть ли не в обнимку с кавалерами ходят». Здесь и мужа с женой под ручку не увидишь.

В раймаслопроме новый технолог, Ануфриев. Спокойный и говорит мало, только деловое. Толстый, в очках. Был у нас, кое-что полезное подсказал.

Наш завод оказался победителем соревнования по району. Ануфриев привез переходящее Знамя. Сказал, что я, Миша и Вася на доске почета в РМП. А не за что бы нас на доску почета. Выходит, на других заводах дела хуже нашего.

17 апреля 1949 г.

Провел 4 дня в Новикове. Заключил договоры на доставку сливок из отделения Зубакиной. Собрал данные о надоях и расходе молока в колхозах. Купил за 1300 руб. дом со двором на дрова отделению. Договорился в сельсовете, чтобы подвезли тес и подправили на отделении крышу. Вообще там все старое, худое. Пол тоже гнилой, надо менять. Председатель с/с пообещал помочь летом.

Сегодня с утра вытаскивали по насту на подсанках дрова к дороге. С дороги увезет Иван Никитич, он приучил Воронка к послушанию. Дровами теперь будем обеспечены.

В Новикове прочитал вечерами «Кровь дьявола» Лебедева и «Кюхлю» Тынянова. Обе понравились, особенно последняя. Какая чистая душа была у Кюхельбекера! Какие высокие мысли! И пропал человек... Царь Николай не любил тех, кто посмел мыслить. «Кюхля» – хорошая иллюстрация к истории. «Кровь дьявола» – иллюстрация к брошюре про империализм и к «Новой истории» для 9-го класса.

23 апреля 1949 г.

Игорь принес письмо на 6 страницах. Зоя доказывает, что нам необходимо пока разойтись. Ну, что же. Я, пожалуй, тоже такого мнения. Завтра пошлю ей ответ, что не возражаю. Не только пока, но, мне кажется, что вместе нам никогда не жить...

Осиповна, видимо, поняла мое состояние, старается развеселить, угощает пышкой. Завтра Пасха. Сегодня в церкви служба с 12 ночи. Зовет идти с ней, так как Иван Никитич в церковь не ходит. Шутит, знает, что не пойду.

25 апреля 1949 г.

С Зоей наладилось. Этого и следовало ожидать. Не впервые такая история и в основном все от моей глупости. На мое резкое письмо позвала для разговора.

Сейчас от нее. Миленькая ты моя! Как я рад, что мы опять вместе! Права ты, права, но почему не хочешь узаконить наши отношения? Маму свою тебе жалко, а меня?

Миша и Юля дружат себе и дружат, встречаются без ссор. Молодцы! Нам бы у них поучиться.

27 апреля 1949 г.

Приехали Юницын и Ануфриев. По пути купили на запани рыбы и сахара. Говорят, сахара в городе не купишь. Если выбросят, сразу очереди. Проголодались в дороге, попросили поставить самовар. Осиповна собрала на стол, все вместе позавтракали.

Юницын командирован райкомом на 10 дней по проведению займа. Ануфриев хотел провести ревизию, но когда увидел, что одного топленого масла больше полутонны, бочки полные, перевешивать, так масло хоть на пол складывай, махнул рукой: «Ладно, ревизию в другой раз сделаем, а на масло наряд дадим, с первыми пароходами отправите». Плохо, когда бочки нестандартные. На базу их повезем – мороки будет!

Я тоже сбежал на запань. Запасаю к 1 мая рыбу, сахар, муку белую. И заказы Осиповны выполнил.

Помогаем Ивану Никитичу варить пиво в большом котле над костром. Всыпали туда полтора пуда солода. Он по пиву мастер. На свадьбы варит и другим. А Осиповна делает пиво по-другому малыми дозами.

1 мая 1949 г.

Вчера после концерта учителя устроили вечер. Было человек 15. Некоторые /Павел Ив., Галактион, Миша/ набрались сверх всяких норм, но из рамок приличия никто не выходил. Нашумелись, нахохотались, натанцевались. Я выпил немного, целый вечер рвал гармошку /сегодня на левой руке мозоль/. Зоя водочку тоже пила, от других не отставала, между прочим...

Мы с Зоей были больше похожи на мужа и жену, чем просто на друзей. Она даже поцеловала на виду у всех мою руку, где появилась мозоль. Я ее тоже не один раз при всех чмокнул.

Продолжим праздник у нас со своими работниками, с их и нашими друзьями. Есть пиво, куплены закуски, Осиповна настряпала кучу колобов и шанег. Зоя и Юля праздновать у нас отказались.

3 мая 1949 г.

1-го вечер прошел нормально, а вчера кроме наших пришли в контору и незваные гости. Я подрался. Дурак, болван!

Привязался в дрезину пьяный Шурка Задорин, вцепился в рубашку. Я пытался оттолкнуть его, а он с кулаком. Не выдержал, свалил его, прижал коленом, тоже врезал /распалился/. Ребята нас растащили. Вышел Иван Никитич с палкой, вместе с Мишей прогнали Шурку от нашего дома. Потом опять собрались за столами.

Веселья было, хоть отбавляй. Вася – гармонист не то, что я, под его игру ноги сами пляшут. Песню заиграет – не хочешь, а запоешь. А девчонки наши! Как пляшут! Какие частушки! А хохоту от их разных подколок-шуточек!

1 мая на мое имя пришла телеграмма от управляющего трестом Мокина и председателя обл. проф. комитета Мушникова... Поздравили наш коллектив с перевыполнением четырехмесячного плана. Меня премируют месячным окладом.

За что премируют? Сколько я был директором?

4 мая 1949 г.

Посылали в «Красную Зарю» по делу займа. Туговато колхозники государству займы дают. Одна тетя согласилась на 100 руб., а председатель уговаривал ее на 150: «Ты живешь лучше многих в деревне. Корова у тебя». Она в сердцах крикнула: «Да пишите и 150!» Тогда заупрямился счетовод: «Заем добровольный. Со слезами брать не буду». Председателю пришлось уговаривать счетовода.

Зоя узнала о драке с Шуркой и прочла мне сорок моралей. Вот это будет жена! У нее не разбалуешься...

Проходит Всемирный конгресс сторонников мира в Париже. Интересно, какие он даст результаты. Неужели и после такого конгресса будут развязывать войны? Пожалуй, будут. Живодеров добрыми словами не остановишь.

6 мая 1949 г. 2 часа ночи

Пришел от Зои. Все спят, я лечь не хочу.

Зоя согласилась, что нам надо искать квартиру и жить вместе. Сказала, что в июне запишемся. Сколько раньше было об этом разговоров! Я вначале ей не поверил: «Ты это серьезно?» Подтвердила.

– Скажи честное комсомольское.

– Честное комсомольское, что согласна записаться в июне.

– Это не твоя очередная шутка?

– Нет, не шутка. Я пока еще комсомольского слова не продавала.

Нацеловались, наговорились, напланировали кучу дел...

14 мая 1949 г.

Неделю проездил в Новиково и Харитоново, приехал вчера. Привез пароходом 80 кг. масла топленого от сдатчиков, 30 бочек под казеин и 40 ящиков под масло. Пароходы на Сыктывкар и обратно ходят почти по расписанию. Лед по Вычегде пошел в этом году 30 апреля. Миша с Васей отвезли часть накопленной за зиму продукции на базу в Котласе. Приемку там тянули два дня.

При разливе мы с девушками ловили вынесенные половодьем бревна на речке и вытаскивали их к заводу. Добавка к запасу дров бесплатная.

То работа, то к Зое. Почти ничего не читаю. Не доходят руки до учебников, которых Зоя привезла зимой целую связку. Неужели так и останусь с 8 классами и школой ФЗУ?

22 мая 1949 г.

Езжу на Воронке по колхозам, заключаю с правлениями договоры на госзакупки молока. Некогда заняться своими делами. Надо бы готовить гряды под картошку, чтобы осенью не выкладывать нам с Мишей лишнюю сотню из общей кассы. Он с отправками масла тоже перегружен.

И вечерами не до гряд. Приехал по делам двоюродный брат Зои, Веня Трубин, работает в райкоме комсомола. Вечерами все трое болтаем или катаемся на нашей лодке. Вчера вечером было совещание в сельсовете. Какие уж тут гряды!

Миша рассказал, что на базе в некоторых ящиках с маслом нашли плесень. Это беда серьезная. Продукт превращается в брак.

На нашей Чакулке намечено строительство ГЭС. У 13 колхозов сельсовета денег всего 47 тыс. рублей, а на строительство ГЭС надо 900 тысяч. Не скоро у нас в домах загорят лампочки.

Сидел как-то у девушек, техников-строителей. Они показали карты, чертежи, смету. Говорят, что государство даст колхозам ссуду на строительство.

24 мая 1949 г.

Была очень-очень серьезная ссора с Зоей. Намного серьезнее, чем все прежние. Дело шло к полному разрыву. Но опять помирились. Она победила, я уступил.

Писать об этом ничего не хочется.

28 мая 1949 г.

Был в Сольвычегодске, вызывали в военкомат. Предложили поступать в военное училище, расположенное в Череповце. Пока ответа не дал, сказал, что мне надо подумать. Ответ надо дать по телефону до 5 июня. Да, подумать есть о чем!

Купил в городе полуботинки хромовые. Хожу теперь в костюме, кепке и полуботинках. Стал похож на директора. Только вместо портфеля полевая сумка.

Вчера приехала мама за Игорем. Познакомил ее с Зоей и Юлей. Маме Зоя понравилась. Быстро с ней разговорились. Юля ушла, а маму и Зою покатали на лодке. Потом долго сидели на берегу, разговаривали. Мама сказала, чтобы мы с Зоей при первой же возможности приехали вместе в Синегу.

Веня Трубин принимал зачеты в политкружке. Сдали все 12. Тройкой 5, двойкой 3, остальным 4. Мы ходили по выходным в избу-читальню не только на занятия, а и побалагурить. Где еще зимой встречаться?

1 июня 1949 г.

Маму и Игоря проводил до Котласа, посадил на поезд. Вернулся сегодня и с пристани забежал к Зое, она еще спала. Разбудил, посидели. Опять говорили про училище и регистрацию.

Мама перед отъездом спросила, нельзя ли увезти гостинцем немного маслица. Сделал им на дорогу бутерброды с маслом, а в пергаменте не дал ни кусочка. Рассказал про Коровинского, а про указ за хищения мама знает. Не обиделась, сказала, что правильно делаю.

При маме говорили о нашей женитьбе. И она, и Зоя убеждали меня, что нам лучше не записываться наспех, а подождать, пока Зоя съедит в Архангельск на сессию. Это Зоя успела так маму «обработать». А если решу поступать в училище, то можно будет зарегистрироваться перед отправкой.

А поступать ли в училище? Мама советует, и Зоя не возражает. Говорит, все равно на будущий год в армию идти, раньше отслужишь – раньше начнем вместе жить. Но ведь солдатом отслужишь, домой вернешься, а после училища надо офицером служить. Зоя свое: «Офицером – это не в казарме, хоть куда пошлют, приеду к тебе».

Сегодня окончательно договорились, что позвоню в военкомат, скажу, что согласен поступать. Тем более, что Череповец недалеко, я был на практике в Череповецком районе.

9 июня 1949 г.

Работаю на заводе за Мишу. Он в Сольвычегодске перерабатывает наше возвращенное туда из-за плесени с базы масло.

Вечера провожу у Зои. Скоро расставаться. Уедет домой, а потом в Архангельск. Бедненький я, останусь один...

Посадили-таки с Осиповной картошку на нас с Мишей. Пахал и боронил лошадей Иван Никитич.

Зоя иногда приносила молоко за своих хозяев. Однажды пришла, когда я в подсобке сколачивал из клепки ящики. Был в грязной спецовке, руки в ржавчине от проволоки, лицо потное. Когда вышел к ней, спросила: «Что ты так угваздался-то?» Видимо, ей было стыдно за мой вид перед другими сдатчицами. Сама всегда такая чистенькая, и раньше слышал от нее как бы в шутку упреки, что занимаюсь не своим делом. Как-то рассказал, что устроили с Мишей заводскую канализацию с выгребной ямой, она рассмеялась: «Вы скоро и уборную сами чистить будете».

А что делать? Работницы девушки, толком мужских работ не сделают. А мужиков нанимать, платить им за то, что сами можем сделать, зачем? Деньги нам самим не мешают. И одежду рабочую каждый день не стираешь.

Упрекает, а ведь и сама не из белоручек. Рассказывала, как в войну доставалось. Как с матерью на лодке при ледоходе цепляли багром бревна на дрова и среди льдин тащили их к берегу. Да и теперь с хозяевами хоть баню истопить, хоть в огород, хоть на рыбалку.

14 июня 1949 г.

Позавчера проводил Зою. Расстались на пристани в Котласе.

В последний день перед ее отъездом все время провели вместе. Катались на лодке, потом бродили возле Вычегды, долго сидели у бывшего постоянного двора, поднялись на сопочку, заросшую ельником и сосенками... Сопочку эту называют «корабликом».

Зое могло не понравиться поведение Люси, приехавшей на строительство ГЭС. Мне кажется, она хотела завязать со мной что-то вроде дружбы. Попросила покатать на лодке. Иду на Устье, уходит от рабочих, говорит, что и ей туда надо. В контору ко мне забегают. А когда пригласила заходить к ней вечерами, прямо сказал, что вечерами меня ждет Зоя. Все равно принесла мне свою фотокарточку с надписью и книгу Зошенко «Возвращенная молодость». Взамен выпросила мою фотокарточку. Не стал об этом рассказывать Зое, а то будет в Архангельске ревновать-переживать.

Для строительства ГЭС привезли 100 кубометров бревен. Рабочие очищают их от коры. Говорят, государство дало колхозам ссуду.

Получили 3,5 тонны жмыха... Договоры с колхозами пойдут теперь лучше. А жмыха нам еще подвезут. Обещают 20—30 тонн, по двум сельсоветам и больше бы разошлось.

16 июня 1949 г.

Вчера было комсомольское собрание. Решили 26-го провести воскресник по заготовке дров для школы. Кроме того, решили до 15 июля оборудовать у школы новую спортивную площадку.

Поточкин, зав. отделом физк. и спорта, и Веня Трубин приехали налаживать физкультурную и культурную работу. Хорошо бы расшевелили они Рябово, а то кроме «колхозного», привозных фильмов да самодеятельности по праздникам ничего интересного не бывает.

26 июня 1949 г.

Скучно без Зои... На «колхозном» у постоянного двора сегодня человек полсотни и кучи пацанят. Песни, гармошка. Им весело.

Когда провожал Зою, она плакала на палубе при последних гудках и отчаливании парохода, а я стоял на пристани. Миленькая! Плакала и старалась улыбаться мне сквозь слезы.

В училище, если поступлю, надо учиться 3 года. Ждать друг друга три года! Но мы должны это сделать и, я думаю, сделаем. Разве я могу разлюбить мою Зою? Нет! И она меня, вижу, не разлюбит.

Не живу в Рябове. Ездил в Сольвычегодск, в Котлас /отвозил масло/, в Новиково, потом опять в Котлас через Харитоново. В Новикове нашел плотников перебрать пол и поставить сепаратор на новый фундамент. На исполкоме сельсовета решали вопрос о молоке в госзакупки. С тремя председателями колхозов сразу подписали договоры. Жмых помогает.

9 июля 1949 г.

Такое настроение, что ничего не хочется делать. На нас с Мишей начислили 1173 рубля за переработку плохого масла. Юницын разозлился на то, что я согласился ехать в училище, уговаривал меня отказаться и еще год поработать. И Миша в армию уходит, получил повестку на комиссию. Вот и подложил нам такую свинью.

Еще посмотрим, удастся ли все на нас свалить. Нарядов на сбыт всю зиму не давали. Завтра придет Ануфриев. По-моему, он мужик справедливый и ко мне хорошо относится. По телефону сказал, чтобы мы сильно не переживали, будут во всем разбираться.

Вася тоже возмущается, но успокаивает: «Если и не отменят, то высчитают с вас последнюю зарплату, остальное поневоле спишут».

Зое о своих неприятностях не пишу, чтобы не расстраивать. Письма от нее получаю часто. Если в Рябове ее не дождусь, отправляться в училище все равно буду из Сольвычегодска. Она к этому времени вернется, обязательно увидимся.

Записью 9 июля 1949 г. мои рябовские дневники закончились.

О дальнейших событиях, фактах, отношениях между людьми можно судить по книге «4 года из 57» (Повесть в письмах), содержание которой частично возмещает шестилетний пробел в дневниках. Некоторые имена в этой книге по этическим соображениям были изменены, но упомянутые в письмах лица угадываются по дневникам.

4 года из 57 (Повесть в письмах)

Какое это огромное счастье – любить и быть любимым.
А. П. Чехов

Из предисловия

Мне выпало счастье настоящей любви со всеми ее радостями и переживаниями. Бываю счастлив и в старческом одиночестве, когда возвращаюсь умом и сердцем к годам своей молодости. Помнить молодость помогают письма, пролежавшие в старом чемодане нечитаными больше полувека. Не возникало у нас с женой такой потребности – перечитывать их.

Может быть, эти письма еще кому-то помогут вспомнить встречи и разлуки с горячо любимым, но потерянным по какой-то причине человеком, оживят чувства и мечтания прошлого, высветят самые счастливые периоды прожитых лет. А молодым людям такие письма помогут увидеть в постаревших дедушках и бабушках своих бывших ровесников.

До разгула западной бесовщины в нашей благодатной России мне бы в голову не пришло публиковать свои интимные письма. К личным откровениям меня принудили наемные, платные, а то и просто бессовестные проповедники «сексуальной революции». Не могу смириться с тем, как в телепередачах, в газетах и журналах, в книгах-однодневках упорно, нагло, целенаправленно искажаются, размываются, перемешиваются одно с другим понятия о любви и физиологических половых проявлениях. Фильмы, эстрада, реклама переполнены грязной пошлятиной. Страшная статистика венерических болезней и СПИДа не останавливает глашатаев «свободной любви».

Забыто, что свобода любви нужна там, где есть любовь, а не ее похотливые суррогаты. Забыто, что инстинкты и разум, желания и чувства сливаются воедино, дают мужчине и женщине счастье, когда они любят друг друга по-человечески, а не по-собачьи. Забыты слова мудрого французского просветителя Ф. Вольтера о том, что «любовь – самая сильная из всех страстей, ибо она одновременно завладевает головой, сердцем и телом». Забыто, что никогда в прошлом России поощрителей полового разврата близко не подпускали к редакциям, студиям, учреждениям культуры. В годы нашей молодости насаждаемые нынче нравы казались немислимыми.

Не все в старых письмах интересно современному читателю. Беру из них то, что отражало наши с Зоей отношения и нашу любовь в разлуках. В книге «4 года из 57» помещена и наша переписка в Рябове с первых дней знакомства до отъезда Зои на сессию в архангельский институт. Здесь эту переписку показывать не буду.

Поскольку мы жили в определенной духовной и социальной атмосфере сталинской эпохи, не буду выбрасывать из писем и некоторые сведения о быте, занятиях, культуре, отношениях между людьми в деревне, сельской школе, военном училище. Это пригодится тем нашим обывателям, которые «просвещаются» в основном телевидением и детективами.

Думаю, что наши с Зоей родные простят меня за вынос на свет некоторых семейных несогласий. В нашей любви ничего порочного не было, хотя полную правду о ней мы некоторое время скрывали даже от родственников. Взгляды на супружескую близость в любви без регистрации брака диктовались тогда нравами и обычаями старших поколений, а также советскими фильмами, книгами, песнями, театром.

Чтобы не обидеть ненароком упомянутых в письмах людей и их близких, многие имена и фамилии я изменил. Письма – не литературное произведение с подробными рассказами о всех событиях. Поэтому нашу переписку пришлось в некоторых местах дополнять пояснениями.

Из писем. 1949—1952 годы

Здравствуй, Зоя.

Далеко ты от меня, ни обнять, ни поцеловать. Но письма из Архангельска, судя по штампам, идут недолго.

...Получил письмо, которое писала в общежитии. Тут не хуже будет? Не мешают заниматься другие заочницы?

...Был в «Искре» на заседании правления. Хотел вытянуть у них молока в госзакупки тонну на июль, согласились только на половину. Если так пойдет и в других колхозах, не выполним мы июльский план по госзакупкам.

Целую тебя много раз! И обнимаю изо всех сил!

23.06.49. До свидания.

Твой Юрик.

Здравствуй, дорогая моя!

Я в Котласе. Вчера день в Низовке прошел с пользой. Нашел плотников, с понедельника начнут ремонт. Договорился в лесхозе о материалах, сельсовет помогает. Председатель хороший мужик. На фронте был командиром, это и сейчас чувствуется. Пообещал нажать на колхозы и по закупкам молока.

...Видел вашего Никифора, он приехал за краской и олифой для школы. Вечером поедем вместе домой.

...В гортеатре «Бешеные деньги», но пароход отходит в 9, не успею до конца досмотреть. Схожу в кино с 6 часов.

В Котласе сухо. Жители прямо расцвели! Не то что прошлый раз – ходили в макинтошах и в резиновых сапогах.

До свидания, моя любимая! Желаю тебе успехов, учись на пятерки. Целую тебя много раз!

25.06.49. Остаюсь весь твой Юрик.

Зоя, милая, здравствуй!

Приехал из Котласа, Миша отдал два твоих письма. Миленькая моя! Вижу, что настроение у тебя хорошее. Так и дальше держись, не пугайся профессоров.

...О работе, так тут все как всегда. Ты знаешь, что зимой у нас дремота, а летом запарка, девчат на временную работу взяли. О чувствах и чтобы ты не забывала меня, так об этом лучше, когда рядышком сидим, целовать тебя можно. Жаловаться, что мне без тебя скучно, тоже не стоит, с этим ничего не поделаешь. Остается писать о разных пустяках.

Вчера в Котласе посмотрел фильм «За тех, кто в море». Про военных моряков. Фильм понравился. Не понравился Саша, офицер. Захотел щегольнуть, черт бы его взял! Я говорил тебе о своей мечте стать моряком. Может, и хорошо, что после 7 класса не прошел по экзаменам в Ленинграде. Поступил бы в то военно-морское подготовительное, мы с тобой так бы и не узнали, что где-то существуем в разных местах.

...Зоинька, «часто гредишься ты мне во сне». ...Скорее бы месяц прошел! Так мне хочется быть с тобой!..

До свидания. Жду тебя, милая. Очень-очень жду!

Целую и обнимаю тебя.

Твой-твой Юрик. 26.06.49.

Миленький Юричек!

Спасибо, дорогой, за частые письма. Целую тебя за это тысячу раз. Читаю, радость на сердце, что так любишь меня.

Письмо, что комиссию прошел, и телеграмму получила. Конечно, радости мало, но напрасно ты думаешь, что я очень сильно расстроюсь. Разве я такая эгоистка, чтобы только о себе думать и только для себя жить? То, что для тебя будет хорошо, и для меня хорошо. Знаю и ты знаешь, что мне это не все равно. Страшно подумать, как пережить, но раз это лучше для нашего с тобой счастья, то нужно так и делать.

...Я в предыдущем письме все написала насчет учебы. Только изменения с числами. Последний экзамен 25-го, значит, если не смогу раньше сдать, то дома буду 27-го. Может, и раньше.

Пишу вечером. Надоедает все время в аудиториях и в общежитии обитать. Сегодня опять с Юлей шлялись по городу. Сходили в кино «Двойная игра», веселая картина. Сейчас хочу заняться физикой. Да и с математикой у меня не все в порядке.

Юля тоже была на почте со мной, ей писем нет. Конечно, долг платежом красен, но у Миши все-таки совести нет. А вообще дело ихнее, сами разберутся.

Целую тебя много раз!

01.07.49. Люблю тебя, милый! Твоя Зоя.

Здравствуй, Зоя.

Неделю от тебя письма не было, сегодня получил, поуспокоился. Стала обо мне забывать в большом городе? Смотри, рассержусь.

Если раньше 27-го навряд ли приедешь, мне тебя не дождаться. После 10-го приедет управляющий, буду передавать завод, числа 15—20 уволюсь и уеду домой. Если будут какие-то изменения, я сразу сообщу телеграммой. До моего отъезда в училище мы должны встретиться. Ведь так? Где и когда, это будет видно после того, как уволюсь и побываю в военкомате. Пока сказали, чтобы был готов к отправке после 1 августа.

Мишу после комиссии оставили до звонка в сельсовет. Двоих с 29 г. р. из Рябова уже взяли, а Мише сказали, чтобы пока не рассчитывался. Так что с Юлей они, наверно, увидятся.

Вы с ней молодцы, что находите время для прогулок. Совсем без отдыха учиться – голова не выдержит. Когда «шляетесь», не пристают к вам архангельские моряки?

...Сказал Осиповне про училище, она расплакалась. Говорит, два года на нас с Мишей как на сыновей смотрела (у них сын на фронте погиб). Сварила пива, угощает нас: «Пейте, ребятки, пока на воле». Пиво вкусное и не столь хмельное, как бражка.

Время вечер, под березами у завода уже гармошка пиликает. Я все-таки временами берусь за учебники. На хороводы не ходим, Миша и сейчас на заводе. Напишу письмо, пойду помогать ему и девочкам. Устают сепаратор и маслобойку крутить. И с казеином возни много.

...На тебя очень не сержусь, но пиши все-таки почаще. До свидания.

06.07.49. Целую крепко! Твой Юрик.

Здравствуй, Юра.

Очень тебе благодарна, что так «поднимаешь» мой настрой к учебе, что стала забывать, что мало пишу, не пристают ли моряки. Почему ты так язвись? Пишешь как будто в шутку, а я ведь тебя знаю, не раз всякого от тебя наслушалась.

Никто к нам не пристаёт, мы ведь не на танцы ходим.

Ты знаешь, как мне тяжело после такого письма? С ума схожу по тебе, не было, чтобы целую неделю не писала. Не знаю, где письма пропадают. Не Нюра с Фаиной проявляют интерес? Спроси почтальонку, кому письма отдавала.

...Тяжело мне на сессии. Я же дома почти не занималась, а тут надо пройти годовую программу, лекции слушать, зачеты и экзамены сдавать.

...Пишешь, что мы должны встретиться обязательно. А разве я этого не желаю? Думаешь, мне все равно, если приеду в Рябово, а тебя там нет. Ты уедешь в Синегу, а я после сессии приеду домой всего на неделю. Да что мне дом, ты мне всех дороже. Если нельзя по-другому, сообщи срочно, и я брошу всю учебу, лишь бы тебя увидеть. Мысли не допускаю, что не увидимся, а ты уедешь.

...Не нравятся мне и некоторые другие твои намеки. Не забывай, Юрик, что ты больше бывал виновен в наших ссорах. Вспомни наши встречи в школе и встречи возле Вычегды. Вот и сейчас, расстались на месяц, а у тебя уже намеки, неужели все три года так будет? Я тоже верю, что наша с тобой любовь выдержит все испытания, но для чего устраивать лишние испытания себе самим? Надо нам обоим как-то делаться умнее, а то будем из-за пустяков все время ссориться.

До свидания, родной мой! Целую тебя, только плохих писем больше не пиши. Не обижай меня перед расставанием на такой долгий срок.

11.07.49. Твоя вся Зоя.

Здравствуй, Зоя.

Спасибо за письмо с поздравлением и хорошими пожеланиями.

Да, сегодня мне исполнилось 19 лет. Праздника у нас не будет. Мы никогда не отмечали дней рождения ни выпивками, ни подарками. Пришлось бы устраивать 7 дополнительных праздников каждый год. Разве что посидим вечером за самоваром, выпьем с папой по стопочке (это его норма). Мама с папой повспоминают какие-нибудь смешные случаи из нашего детства. А бабушка еще и дореволюционные были иногда вспоминает. Рассказала на днях про попа, которого приспичило, сел за их баней, штаны из-под рясы спустил. Мама наша маленькая была, увидела это, прибежала удивленная: «Поп тоже, как все, какает!»

...Телеграммы из военкомата так и нет. Если бы не твои мама и Петя, поехал бы к тебе ждать направления. А так что же, опять дни на природе и ночлеги без тебя у приятелей. Если поедешь в Рябово до меня, дай телеграмму, чтобы я знал. Все равно встретиться нам надо обязательно. Пока не увижу тебя, пока не побуду с тобой хотя бы два-три дня, в училище не поеду.

...Спрашиваешь, как готовлюсь к экзаменам. Абсолютно ни хрена не готовлюсь, должен сознаться. Даже не брал в руки учебников. Может, провезет на том, что знаю. Настроение какое-то не упорное. Сдам экзамены, так сдам, а не поступлю, к тебе вернусь, поженимся, потом солдатом срок отслужу. До армии бы еще целый год радостей с тобой, а в училище надо уже теперь расставаться. Но не думай, что совсем пошел на попятную, буду стараться поступить.

Большие тебе персональные приветы от папы, мамы, бабушки, Розы, Игоря и Иды! По моим рассказам ты уже для всех, как родная. Игорь говорит: хорошо бы Зоя Михайловна к нам приехала, я бы место показал, где малины много.

До свидания, желанная моя! До встречи. Надо сделать так, чтобы встреча была не на один день. Если и опоздаю в училище, оправдание какое-нибудь найду.

Целую и обнимаю крепко.

10.08.49. Любящий тебя твой Юрик.

Мы с Зоей встретились в Сольвычегодске и поехали с ней в Рябово. Там я простился с заводскими работниками, с моими и ее квартирными хозяевами, прощались с Зоей по местам наших свиданий. Она поставила условие: везде без выпивок! Миша, Вася, другие дивились моему упрямству, обижались, но я это условие старался выполнять.

Зоя проводила меня до Котласа, жили там два дня в номере гостиницы. Расстались на вокзальном перроне. Она держалась до последнего, но когда я шагнул в тамбур вагона, а поезд тронулся, расплакалась. Были слезы и у меня...

Здравствуй, Зоя!

Дорогая, я сдал все экзамены. Поздравь.

По географии и диктанту 4, остальные троечки. Но тут некоторые, особенно солдаты в форме, и с двойками проходят. Сегодня будет мандатная комиссия.

...И поступать сюда не очень-то хочется (сразу на 3 года без тебя!), и надо бы поступить. Отдадимся судьбе, военным мне быть или гражданским.

Не знаю, Зоя, как я буду ждать встречи с тобой, если поступлю. Уже сейчас берет тоска по тебе. Пока заняты чем, забываюсь, а как уйду в палатку, приткнусь на топчан, так и хочется отсюда к тебе смотреться.

...Кричат: «Карантин, приготовиться к построению на обед!» В обед тут кормят, уходим сытые, а вот на завтрак только каша и чай. Но в магазине внутри городка можно купить хлеба, колбасы, печенья, а деньги у меня есть.

Миленькая моя, до свидания! Как привыкаешь без меня? Как настроение? Привет от меня твоим хозяевам, учителям и на завод. Целую тебя тысячу раз!

24.08.49. Остаюсь твой Юрик.

Дописываю после мандатной комиссии. Меня зачислили. Много вопросов не задавали. Так что буду я безвозвратно курсантом.

Здравствуй, дорогая моя.

Честь имею сообщить тебе, что я уже острижен наголо и что на плечах у меня курсантские погоны. Чувствую себя торжественно-приподнято. Шутка ли, был-был гражданским и вдруг стал военным.

Не знаю, лучше ли это будет для нас с тобой или хуже. Это мы яснее увидим потом, а пока утешаюсь, что солдатом надо бы те же три года жить без тебя, а здесь я буду не просто служить, а учиться, потом на ноги тверже стану. Если все пойдет нормально, буду офицером, а офицеры стране нужнее, чем маслоделы. Все это плюсы, а минусов давай не будем пока искать, они сами себя покажут и будут для нас с тобой испытанием.

...Посылаю пучок своих волос, взял при стрижке. Жалею, что не взял твоих. Ты пошли их в письме. Поцелую их, все-таки полегче будет. Ну-ка, не видеться столько времени...

...Скучновато тебе без меня? Или ничего? Ты у меня по характеру веселая (кроме случаев, когда ссорились). Думаю, и без меня найдешь меры борьбы со скукой. Очень не унывай, будем привыкать к разлукам. Я не где-нибудь на Сахалине, можешь в каникулы ко мне приехать. И у меня летом отпуск будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.